

Игра в шахматы. Фрагмент. Художник Лукас ван Лейден. 1508-1510

УДК 008:304:327

Кулаков А.В.

Политическая и культурная глобализация: два измерения многомерного процесса

Часть 1. Политико-экономическое пространство глобализации

Кулаков Андрей Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального института бизнеса

Статья посвящена проявлениям в политической сфере основных содержательных аспектов глобализации как многомерного процесса. Рассматриваются перспективы национального государства в условиях несовпадения политического и экономического суверенитета.

Ключевые слова: глобализация, политическая фрагментация, суверенитет, внутренняя и внешняя политика, традиционное государство, транснациональные корпорации, международное гражданское общество.

Ключевым понятием, характеризующим процессы мирового развития в конце XX и начале XXI вв., является глобализация. С середины 1990-х гг. этот термин институционализировался¹, однако следует признать, что при всей распространенности он нередко оказывается лишен конкретным содержанием. Прежде всего, в рассуждениях о глобализации в средствах массовой информации имеется в виду некий всеохватывающий, объективный процесс, относящийся ко всей территории земного шара, либо его «накрывающий лоскутным одеялом» многомерности и многоаспектности. Так, представителями экономической науки под «глобализацией» понимается столкновение глобальных межнациональных корпораций, образование всемирного рынка, финансов, товаров и

¹ Об этимологии и происхождение термина см: Chanda, N. Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization. New Haven; London: Yale Univ. Press. 2007. P. 245–254.

услуг. По мнению социологов, в результате глобализации происходит сближение образа жизни разных стран и регионов под влиянием универсализации культуры. Специалисты в области истории полагают, что глобализация – это один из этапов капитализма (посткапитализма). В философии считается, что процессы глобализации связаны с универсализацией человеческих ценностей. Представители различных областей знания склонны трактовать глобализацию с позиции своих научных интересов. В свою очередь у представителей общественности глобализация ассоциируется, прежде всего, с глобальными проблемами современности, поставившими под сомнение культурные и цивилизационные достижения человечества.

Предпосылками политической глобализации стали окончание «холодной войны», преодоление идеологических разногласий между Востоком и Западом; ослабление жесткости государственных границ, облегчение свободы передвижения граждан, товаров, услуг и капиталов; «информационная революция». Существенную роль в развитии и укреплении внутренних социальных связей, в том числе политической направленности и международных отношений, стали играть новые информационные технологии, что наглядно демонстрирует, например, опыт Интернет-проекта электронного правительства.

Политическая глобализация во многом подпитывается соответствующей идеологией, когда явления общественной жизни воспринимаются через призму глобализма – конгломерата воззрений, сводящегося в целом к подчеркиванию роли глобальных начал в жизни современного человечества и видящего в этих началах исключительно позитивное содержание. При этом остаются в стороне конкретные вопросы социально-политической организации, глобальное рассматривается как самоценность и по сути единственное средство решения накопленных в мире проблем. Данное восприятие глобального опирается на интересы, возможности государств и их интеграционных объединений, более других выигрывающих от современных глобализационных процессов, прежде всего их финансово-экономической составляющей.

Одним из следствий глобализации стало усложнение социально-политического взаимодействия и усиление глобальной взаимозависимости, что также стало предпосылкой возникновения политической глобализации. Многие проблемы, ранее считавшиеся исключительно внутривнутриполитическими, все более приобретают международно-политический характер. Имеет место беспрецедентное взаимопроникновение внутренней и внешней политики, которое наблюдается во всех важнейших сферах жизни общества. Можно констатировать, что сфера внутренних компетенций государства, в которую никто не вмешивается и которая регулируется только национальным правом и обычаями, сужается, а международное право или право определенного сообщества (коллективного участия) расширяется². Это является следствием того, что в условиях глобализации помимо суверенных национальных государств активными субъектами международных отношений выступают транснациональные структуры, активно влияющие на характер и тенденции развития международных отношений и способствующие выработке и утверждению комплекса правил поведения государств в рамках мирового сообщества. Они определяют принципы сотрудничества и разрешения конфликтов, предотвращения войн, обеспечения глобального экономического роста и т.д. Нередко решения, принимаемые в штабах транснациональных корпораций, сказываются на жизни граждан отдельных стран в большей степени, чем решения, принимаемые национальными правительствами.

Политическая глобализация, на наш взгляд, проявляется в следующих основных формах: в ослаблении суверенных государств (прежде всего, снижении роли национальных правительств), появлении относительно новых влиятельных политических сил, формировании наднациональных политических институтов и усилении межрегионального взаимодействия. В условиях глобализации происходит трансформация роли государства, все более проявляется противоречие между возрастающей экономической и политической взаимозависимостью стран и народов, с одной стороны, и сохранением за национальным государством суверенитета³ и, соответственно, роли активного субъекта международных отношений – с другой. Существует даже мнение, согласно которому государство, традиционно являвшееся главным или даже единственным субъектом политики в сфере международных отношений, в наши дни уже не представляет собой самостоятельное политико-экономическое образование, а служит лишь элементом, частью или даже декорацией более широкого образования – всемирной политической системы, мировой экономики, мирового сообщества.

Глобализационные процессы, охватывающие все сферы общественной жизни, сокращают возможности национальных правительств по контролю внутривнутриполитической ситуации и управлению ею. Отдельные государства, находясь под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке, теряют юрисдикцию над национальной экономикой. Они все в меньшей степени могут влиять на положение дел в сфере международной экономики и финансов. Выходят из-под контроля государства и информационные потоки. Многие функции, ранее выполнявшиеся правительствами, переходят к транснациональным корпорациям, институтам гражданского общества. Усиливающаяся глобализация информационных потоков и финансово-экономических процессов под воздействием наднациональных и транснациональных организаций приводит к тому, что начинает пересматриваться не только суверенитет государственных образований, но и полномочия местных самоуправляющихся национально-территориальных образований, которые вынуждены все в большей мере, ориентироваться на внешние источники экономического и политического влияния. Последнее обстоятельство характерно и для Российской Федерации, которая в своем составе имеет ряд национально-территориальных образований, прилегающих к линии государственной границы.

¹ См., в частности: Глобалистика. Энциклопедия. М.: Радуга, 2003.

² См.: Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет. История и современность // Полис. 2005. № 1.

³ Под суверенитетом в политической науке обычно понимается важнейший признак государства, выражающийся в его полной самостоятельности, т. е. верховенстве во внутренней и независимости во внешней политике.

Следует признать, что наибольший удар по суверенитету наносится экономической глобализацией. Экономика в условиях глобализации быстро выходит из-под политического контроля: однажды приняв правила глобальной игры, практически подавляющее большинство стран не в состоянии сопротивляться финансовому натиску рынков. Происходит либерализация экономических границ, многие рычаги экономической политики государства теряют свою эффективность. Однако страны с самодостаточной ресурсной базой, значительным интеллектуальным потенциалом, развитой промышленностью и крупными рынками сбыта имеют определенные преимущества. Они могут проводить относительно самостоятельную экономическую политику, отстаивать суверенитет без оглядки на внешние силы. В конечном счете, глобализация (прежде всего ее наиболее влиятельные и заинтересованные силы) нуждается в «слабом» государстве, в дальнейшей фрагментации мирового политического пространства, что отвечает интересам, прежде всего, транснациональных корпораций, нацеленных на экономическую экспансию и получение сверхприбыли. Соответственно, глобализация сейчас идет рука об руку с политической фрагментацией, интернационализации сопутствует «дробление» национально-государственной территории, поскольку политические и экономические выгоды наиболее успешно извлекаются именно из этого процесса. Глобальные финансы, торговля и информационная индустрия заинтересованы в закреплении политической фрагментации и ослаблении традиционной государственности. Слабое, ограниченно суверенное, экономически не вполне самостоятельное государство – вот что представляется желательным с точки зрения ведения крупного бизнеса и получения сверхприбыли.

В глобализирующемся мире происходит потеря контроля со стороны государственных органов и учреждений над разработкой правил и инструментов общественной жизни, в том числе пересмотр концепции суверенитета в сторону его уменьшения. Вполне очевидно, что даже демократические, но квазисуверенные государственные образования, находящиеся на содержании внешних сил и ориентирующиеся на них при проведении внутренней и внешней политики, не могут формировать отношения равного международного партнерства. В мире данная ситуация вызывает широкие научные и общественные дискуссии. В России главным теоретиком концепции «суверенной демократии» стал первый заместитель главы администрации президента В. Сурков.

Даже суверенные де-юре и де-факто государства шаг за шагом утрачивают возможность эффективно использовать такие традиционные рычаги внутреннего экономического регулирования, как импортные барьеры и экспортные субсидии, курс национальной валюты и ставка рефинансирования Центрального банка. В условиях усиливающейся экономической взаимозависимости, особенно в период кризисных явлений в мировой экономике, правительства вынуждены ориентироваться на уровень торговых барьеров в других странах, на динамику мировых цен, колебания курсов мировых валют и т.д. Государствам, привлекающим иностранные инвестиции, при этом приходится принимать в расчет и поведение влиятельных негосударственных субъектов международных экономических отношений – ТНК и транснациональных банков, которые своими ответными действиями могут свести на «нет» ожидаемый эффект от предпринимаемых мер либо даже использовать их во вред данной стране.

В обстановке соперничества за приток иностранных капиталов даже такие «внутренние» сферы государственного регулирования, как налогообложение, социальная политика, трудовое законодательство, образование и профессиональная подготовка кадров неудержимо интернационализируются, поскольку каждому правительству все больше приходится считаться с тем, как обстоят дела в этих сферах в других странах, каковы новые правила игры в мировой экономике. Функционирование международных рынков товаров и факторов производства радикально ограничивает суверенитет государств, возможности проведения независимой политики. Многим государствам не хватает мощи экономики и финансов, должного политического влияния, чтобы выдержать конкурентное давление и отстоять суверенность.

Глобализация нарушает баланс между традиционным государством и новыми (относительно) политическими игроками, поскольку возникает несоответствие реальных полномочий между традиционными институтами принятия решений и новыми влиятельными политическими силами. Происходит расширение круга субъектов глобального политического рынка. В настоящее время к наиболее влиятельным политическим силам глобализирующегося мира, помимо государств, следует отнести: глобальные интеграционные объединения (союзы, альянсы); межправительственные организации; транснациональные корпорации; международное гражданское общество (политические партии, неправительственные организации); средства массовой информации.

В связи с ускоряющимся процессом глобализации мира происходит образование новых и трансформация (обновление, усложнение структуры, пересмотр функций) уже созданных надгосударственных политических институтов (межгосударственные объединения мирового и регионального масштаба). Роль данных политических институтов в современном мире возрастает, они приобретают все больше возможностей влияния не только на мировые экономические и политические процессы, но и на внутривнутриполитическую жизнь различных государств.

Современные наднациональные институты не существуют независимо от делегирующих их государств – членом международных организаций, но они все больше приобретают атрибуты самостоятельности: расширяющиеся полномочия, собственный внушительный бюджет, солидный аппарат сотрудников, сферу доминирующего влияния. В качестве причин укрепления их положения называются следующие: реализация совпадающих интересов государств в различных сферах; необходимость создания системы, способствующей предотвращению конфликтов и войн; мировое разделение труда; совместная деятельность различных государств по постановке и решению волнующих их вопросов.

Надгосударственные политические институты все больше становятся источником развития международного права через создание правовых норм и закрепление процедур взаимодействия на мировой арене. Единство мирового сообщества, утвержденное в праве, упрочение взаимозависимости государств диктуют необходимость того, чтобы их политико-правовые системы были совместимы и способны взаимодействовать друг с другом и со всей глобальной системой в качестве ее составных частей. Все больше государств в своих конституциях устанавли-

вают приоритет международно-правовых норм. Можно утверждать, что рост роли международного права в каждом отдельно взятом государстве отчасти является следствием процесса глобализации мира.

Как уже отмечалось, глобализация нарушает баланс между традиционным государством и новыми влиятельными субъектами международных отношений, контролируемыми как политические и экономические процессы, так и ресурсы. Равновесие нарушается еще больше с делегированием нарастающего объема полномочий от государства наднациональным политическим и экономическим органам. Зарубежные ученые в связи с этим отмечают следующее обстоятельство. Избегая контроля со стороны государства, эти не избранные народом, анонимные и зачастую наднациональные или вненациональные акторы не несут ответственности за свои действия перед гражданами этой страны. При определенных условиях они способны выйти из-под контроля, проигнорировать правила подотчетности и законности и превратиться в мощную анонимную власть, подчинившую себе общество и рядовых граждан. При таком положении может сохраниться ситуация, когда едва ли не единственной инстанцией, к которой может обратиться рядовой гражданин, останется его национальное государство¹.

Создаются глобальные и региональные структуры, организации регулирования международных отношений в различных сферах. Формирование новой структуры мирового экономического и политического общения перестает быть результатом только межгосударственных договоренностей, а сами межгосударственные отношения и институты уступают место новым субъектам глобальной системы международных отношений. При этом надо признать, что международные организации нередко выступают в роли инструмента обеспечения интересов великих держав, которые занимают ведущие позиции в наднациональных органах.

Государственные деятели вынуждены в большей степени учитывать не только возможности и интересы собственных стран, но и особенности их положения во внешнем мире, ориентироваться на наднациональные политические, экономические и военные организации, их руководящие органы. Результатом является то, что общепринятые нормы, обычаи и практика политического управления становятся недостаточными для того, чтобы правительства сами могли решать проблемы. Их способность адаптироваться к изменениям снизилась из-за недостаточности ресурсов для разрешения всех возникающих перед обществом проблем, а также вследствие растущей зависимости государства от международной обстановки и сотрудничества с иностранными партнерами.

Возрастает, прежде всего, влияние региональных экономических группировок, ориентированных на ценности открытой мировой экономики и жесткую защиту групповых интересов. Характерно, что примерно половина из более чем 150 региональных соглашений, заключенных за последние 50 лет, была подписана в последнее десятилетие XX в. В тот период возникли практические все влиятельные региональные организации, так или иначе формирующие лицо современного мира. В результате оформилась качественно иная конфигурация сил, воздействующих на принятие решений как в международных экономических отношениях, так и на уровне национальной экономики.

Формирование наднациональных политических институтов и политическая регионализация взаимобусловлены, так как «решения, затрагивающие режим функционирования ведущих политических и экономических факторов, все в меньшей степени связаны с государственным регулированием, и все в большей – с теми силами, которые находятся на субнациональном и наднациональном уровнях»². Д.Белл следующим образом высказался о причинах данного явления: «Нации слишком малы, чтобы решить большие проблемы, и слишком велики, чтобы решить малые проблемы»³. Происходит делегирование нарастающего объема полномочий от государства наднациональным политическим и экономическим органам.

Надо признать, что для этого есть объективные основания. В условиях глобализации национальной бюрократии по мере либерализации границ между внешними и внутренними рынками все сложнее в одностороннем порядке поддерживать динамическое равновесие между спросом (потреблением) и предложением (производством), регулированием циклов в их развитии с помощью изменения инструментов экспортно-импортной политики или налогово-бюджетного управления. Все большее значение приобретают разработка и внедрение стандартов банковско-финансовой деятельности и платежно-расчетных систем. Международная финансовая отчетность, открывающая данные о движении денежных средств, налоговой и учетной политики, прибыли и заработной плате, правительственных субсидиях и дотациях, социальной и валютной политике, инвестиционной деятельности и финансовом состоянии предприятий, распространяется на все большее количество стран, идет вглубь вплоть до муниципальных образований и отдельных предприятий. И Россия здесь не исключение.

В рамках региональных блоков происходит не только экономическое взаимодействие субъектов, но и взаимодействие субъектов, формирующих спрос на мероприятия регионально-объединительной политики, и субъектов принятия политических решений, осуществляющих предложение подобных мероприятий с целью получения политической поддержки от групп, заинтересованных в интеграции. К числу этих групп относятся, прежде всего, представители деловых кругов, заинтересованных в снижении издержек ведения торговых и финансовых операций, а также осуществлении производственной деятельности. Широко известна, в частности, роль таких организаций деловых кругов США, как National Association of Manufacturers, The Business Roundtable, The United States Council for International Business, в выработке соглашений по созданию НАФТА. При этом осуществляется мощное политическое давление в пользу либерализации регионального торгового режима и получения выгод для американского капитала.

А.В.Павроз в своей работе «Политическая глобализация и будущее России в XXI веке» указывает, что тен-

¹См.: Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы глобализации: Предварительные размышления // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература. Сер. 11. Социология: РЖ. РАН. 2000. № 1. С. 5–10.

² Christiansen T., Joenniemi P. and Lindstrom B. Nationality and Regionality: Constituents of Political Space Around the Baltic Rim // Neo-Nationalism. The Restructuring of Political Space Around the Baltic Rim. Edited by Pertti Joenniemi. Copenhagen Peace Research Institute. 1997. P. 17.

³ Цит. по: Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 34.

денция по формированию наднациональных властных институтов и передаче им части функций по политическому управлению носит, безусловно, объективный характер, однако практическая деятельность данных институтов зачастую входит в некоторые противоречия с демократическими принципами управления, не всегда эффективна и опасна потенциальными конфликтами. Он констатирует частичную дисфункцию наднациональных политических институтов, проявляющуюся в самопроизвольном разрастании данных структур, что объясняется не только увеличением реальных глобальных проблем, но и попытками измышления псевдопроблем с целью самолегитимации своей деятельности и перекачки национальных ресурсов на собственные нужды, усугубление проблем олигархизации, рост бюрократии, неэффективность управленческих действий¹. Далее он отмечает: «Еще одной угрозой для стабильного развития является то, что передача ряда важных функций по политическому управлению наднациональным институтам может, во-первых, вызвать конфликты между национальным и наднациональным уровнем управления, а во-вторых, снизить значение участия граждан в национальной и региональной политике, тем самым спровоцировав кризис традиционных демократических систем управления»². Национальные государства, по мнению ряда ученых, постепенно превращаются в уполномоченных представителей тех сил, которые они не способны контролировать. Именно в слабом государстве нуждается мировой капитал для своего укрепления и воспроизводства. Речь, в первую очередь, идет о ТНК. Показатели экономического потенциала крупнейших корпораций были и остаются сравнимыми с экономическим потенциалом национальных государств, что может дать определенные представления об их политическом весе в международной системе.

Так, в конце XX в. валовый доход Mitsubishi Corporation находился на уровне показателя валового внутреннего продукта ЮАР (порядка 129 млрд. долл.), доходы WalMart находились на уровне ВВП Греции (ок. 119 млрд. долл.), доходы IBM превосходили размер ВВП Египта (соответственно 78,5 и 75,5 млрд. долл.), а доходы Volkswagen были на уровне ВВП Новой Зеландии (ок. 65 млрд. долл.)³. В свою очередь объемы продаж американской корпорации «General motors» превышали ВВП таких стран, как Швейцария, Австрия и Швеция, вместе взятых. Совокупные же продажи зарубежных филиалов ТНК в 1999 г. составили 1,1 трлн. долл., что более чем в 1,5 раза превышает объем мирового экспорта⁴. Поэтому вполне объяснимо, что интересы ТНК зачастую вступают в противоречия с национальными интересами государства, малым и средним бизнесом. Как уже отмечалось, манипулируя политикой трансфертных цен, дочерние компании ТНК, действующие в различных странах, умело обходят национальные законодательства, укрывая доходы от налогообложения путем перекачивания их из одной страны в другую. Они нередко устанавливают монопольные цены, осуществляют диктат условий, ущемляют интересы местного бизнеса и т.д. Опираясь на финансовую мощь, корпорации начинают функционировать подобно правительствам, вторгаются в сферы, которые традиционно считались областью государственных интересов.

Следует признать, что в целом у принимающих стран не много причин ограничивать поток прямых инвестиций по сравнению со страной базирования (статистические выгоды перекрывают политические опасности). Возможность ухода ТНК из страны (сферы материального производства) может трансформироваться в снижение налогов и финансирования затрат на общественные нужды. Как представляется, это не лучшая перспектива для правительства. Поэтому, желая привлечь или сохранить инвестиции, принимающие страны создают стимулы для корпораций, не всегда просчитывая возможные политические последствия и риски.

Речь идет о том, что в принимающей стране должны быть хорошо осознаны возможные осложнения взаимоотношений инвестора с местным политическим окружением. Международные корпорации могут организовывать давление на правительство принимающей страны и вовлечь ее в конфронтацию. Они могут также подкупить местных политиков и финансировать заговоры против правительства, как поступила американская компания ПТТ по отношению к правительству С.Альенде в Чили в 1972–1973 гг.⁵. Парадокс же заключается в том, что ТНК в глобализирующемся мире выступают одними из наиболее влиятельных субъектов международных отношений, которые воздействуют на политику национальных государств даже в том случае, если они законопослушны и не пытаются оказать давление на правительства конкретных стран.

Транснационализация расширила национальную зону хозяйствования государств, обладающих мощной экономикой. Такое государство стало финансово-экономически оперировать, а зачастую просто хозяйничать за своими национальными околицами на значительно больших территориях, нежели территории, определенная его суверенными границами. Воспроизводственные процессы выходят за национальные рамки. Контур таких стран определяется скорее не государственными, а экономическими границами. Вслед за корпорациями иногда устремляется и военная компонента государственной машины для защиты и дальнейшего расширения этих пространств. В рамках пространств влияния формируется относительно однородная экономическая, культурологическая, социально-политическая и военная среда. Зона национальной экономики и суверенитета таких квазигосударств может сузиться до нуля, что, в частности, можно было наблюдать в Ираке после его оккупации американскими войсками.

И наоборот, экономически состоятельное и влиятельное в политическом плане государство играет важную роль в становлении национальных международных корпораций, лоббировании их интересов, что неслучайно. За мощью и влиянием ТНК скрывается мощь и влияние конкретных стран, их геополитическая и геостратегическая линия поведения. Соответственно государство поощряет их деятельность на мировой арене и обеспечивает им рынки сбыта путем заключения различных политических, экономических и торговых союзов и международных

¹ См.: Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ibci.ru/konferencia/page/statya_64.htm.

² Там же.

³ Stopford J. Multinational Corporations // Foreign Policy. Winter 1998–1999. P. 12–24.

⁴ См.: Мировая экономика. Экономика зарубежных стран / Под ред. В.П. Колесова, М.Н. Осьмовой. М.: Флинта, 2000.

⁵ См.: Мировая экономика. М.: Юристъ, 1999.

договоров. В связи с этим на встречах и консультациях между руководителями наиболее развитых государств мира вопросы поддержки и стимулирования ТНК традиционно занимают видное место. Такая практика получила широкое распространение, прежде всего, в отношениях между странами «большой финансовой семерки».

При этом формы поддержки национальных корпораций весьма различны. Так, в Китае имеется специальная программа такой поддержки. В соответствии с ее целями, китайские корпорации заявили о себе в полный голос на мировой арене в начале XXI в. Важной формой государственного стимулирования деятельности ТНК являются различные налоговые льготы.

В США, например, налоги, которые уплачиваются филиалами американских корпораций в развивающихся странах, вычитаются из общей суммы налогообложения материнских компаний. Кроме того, с суммы облагаемого зарубежного дохода разрешается списывать многие операционные расходы филиалов в государствах приложения капитала (рекламу, деловые поездки, представительскую деятельность, взносы на социальное страхование и некоторые другие виды платежей). Допускается также отсрочка уплаты налогов до перевода прибылей, т. е. фактически на это время предоставляется государственный беспроцентный кредит. Наконец, в США на капиталовложения корпораций, действующих в развивающихся странах, распространяются все новые и новые льготы. Все это позволяет американскому правительству рассчитывать на встречные шаги крупного бизнеса во многих вопросах, в том числе касающихся обеспечения национальной безопасности.

В связи с вышеизложенными реалиями можно утверждать, что политический суверенитет в настоящее время не совпадает с экономическим, глобализация повсеместно этому способствует. Как следствие, идет интенсивное внедрение в национально-правовые системы государств законодательных норм, не всегда совпадающих с национальными интересами. Одновременно работающие на территории одного государства нормы различных правовых систем могут вступать в конфликт, а центр снятия этих конфликтов лежит, как правило, вне пределов властных полномочий государства, то есть в поле действия транснациональных субъектов.

Снижение дееспособности национальных государств, даже частичная потеря контроля над занимаемым пространством, переход связанных с ним функций от государственного аппарата к надгосударственным структурам и стоящим за ними новым элитам принципиально меняет также и всю внутреннюю систему организации гражданского общества, социального взаимодействия и правового обеспечения. Государственный аппарат в таких условиях последовательно теряет контроль над разработкой и внедрением в жизнь правил, норм и инструментов общественной жизни.

При этом снижение роли национального государства предстает как развивающийся процесс, социальные последствия которого трудно прогнозировать. Уходят в прошлое представления об управляемости государства, контроле за политической ситуацией, сложившиеся за последние столетия. У политической элиты и бюрократии в эпоху беспрецедентной открытости усиливается чувство нестабильности и неуверенности. Традиционные властные институты (Президент, Правительство, Парламент) перестают играть прежнюю роль при принятии законодательных актов и политических решений, по формированию общественного мнения, выработке и поддержанию общих социальных норм, регламентирующих традиционный уклад жизни, сохраняющих национальную идентичность, обеспечивающих гражданский мир и согласие.

Государство, делегируя часть своего суверенитета наднациональным органам, безусловно, имеет там национальное представительство. В условиях глобализации образ жизни политической и экономической элит в различных странах становится ближе друг к другу, все более отделяясь от жизни местного населения и его проблем, что не просто увеличивает, а качественно изменяет характер социальной дифференциации, усиливает дезинтеграцию на национальном уровне. Глобализация способствует формированию бюрократической государственной машины с ослабленной ответственностью за принимаемые решения, плохо поддающейся парламентскому, а тем более гражданскому контролю. Власти не всегда удается обеспечить баланс между реальными, а также призрачными выгодами от экономической глобализации и социальной справедливостью, между «включенностью» в международные процессы, участием в наднациональных органах и сохранением внутренней целостности государственного организма, полнотой реализации властных полномочий на своей территории, принимаемых решений в национальных интересах.

Социальная дифференциация, засилье олигархических групп, недоверие к власти, потеря политической и национальной идентичности – все это не лучшим образом сказывается на социальном самочувствии граждан. В обществе нарастает социальная апатия, возникает отчуждение от политических партий и парламентов, безразличие к государственным делам, нежелание участвовать в демократических процедурах, разрушается внутренняя интегрированность и сплоченность.

В условиях ослабления суверенитета национальных государств к новым влиятельным политическим игрокам на мировой арене можно отнести не только наднациональные органы, транснациональные корпорации, но и международное гражданское общество, представленное политическими партиями, а также обширной сетью неправительственных организаций. В отличие от межправительственных организаций, международные неправительственные организации – это, как правило, нетерриториальные образования, так как их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: международному характеру состава и целей; частному характеру учредительства; добровольному характеру деятельности. К неправительственным организациям международного характера относятся экологические, религиозные, научные, спортивные, профсоюзные, правовые и иные организации, объединения (ассоциации) и фонды. Наиболее известные среди них – «Гринпис», УЕФА, Международная Амнистия, Всемирный Совет Церквей.

Основным способом действий неправительственных организаций в сфере мировой политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей – оказание давления на межправительственные организации и непосредственно на те или иные государства по конкретным вопросам. Данные орга-

Государства, национальные партии которых являются членами Европейской народной партии

Государства, национальные партии которых являются членами Европейской партии либеральных демократов и реформаторов (выделены темно-серым цветом)

рового сообщества, однако зачастую оно представляет собой нечто сомнительного происхождения, безликое и безответственное, но, тем не менее, воздействующее на умы и сердца людей. За понятием «мировое сообщество» скрываются и корпоративные интересы бизнес-групп, и действия специальных служб и организаций по формированию общественного мнения, «подыгрывающего» принимаемым правительственным решениям. Так, в 1999 г. на Западе было сформировано устойчивое общественное мнение о геноциде сербами албанцев в Косово, что послужило поводом развязывания американцами и их союзниками по блоку НАТО агрессии против Югославии. Только после ее завершения выяснилось, что никакого геноцида не было, а большинство албанских сепаратистов погибло, участвуя в боевых действиях против Югославской армии. Но дело было сделано, сербы, за исключением некоторых анклавов, вынуждены были оставить Косово, где впоследствии была провозглашена независимость и размещена американская военная база.

В отношении политической глобализации следует признать правоту рассуждений Ю.Игрицкого о том, что все исследователи, сходясь в представлении о сужении в результате глобализации компетенции национального государства, по-разному оценивают масштабы этого явления. Речь идет, в частности, о превращении национальных государств в «приводные ремни» глобального хозяйства, о том, что в мировом масштабе они функционально уподобляются муниципалитетам, поддерживающим необходимую бизнесу инфраструктуру. Но будет ли этот процесс продолжаться до своего логического завершения, то есть до превращения национального государства в некий символ, присутствующий лишь на картах административного деления мира?¹

Оснований для подобного рода рассуждений предостаточно. Глобализация ограничивает функции государства не только за счет возрастания роли транснациональных корпораций, но и за счет увеличения влияния регионов. Наиболее высокоразвитые из них, особенно центры высоких технологий, приобретают определенную внешнеэкономическую автономию и получают от государства преференции в обмен на политическую лояльность и существенный вклад в бюджет государства. Например, штат Калифорния с технополисом «Силиконовая долина». Наименее развитые регионы получают для саморазвития дополнительную свободу в международных контактах путем создания внутренних оффшоров, то есть территорий, которым предоставляется льготный ре-

низации, по своей сути, представляют собой институционализированное общественное мнение. Неправительственные организации оказывают все более очевидное влияние на состояние политических рынков суверенных государств, на действия национальных правительств.

Все большие масштабы приобретает транснациональное сотрудничество политических партий разных стран. Руководители партий различных идеологических направлений прилагают усилия по их консолидации и координации на международном уровне, стремятся придать партиям наднациональный характер и выработать общие идейно-политические принципы и установки. Сформировались влиятельные европейские партии – Европейский социалистический союз, Европейская народная партия, Федерация либеральных и демократических партий ЕС, Европейские демократы прогресса и другие, ставшие активными политическими игроками.

Среди иных объединений международного гражданского общества безусловными лидерами выступают неправительственные организации экологической ориентации, ставящие своей задачей борьбу с глобальным потеплением, защиту тропических лесов, морской фауны и т.д. Именно экологические неправительственные организации принадлежат к числу наиболее последовательных противников стратегии либерализации международной торговли, реализуемой в рамках ВТО. Развитие электронных коммуникаций содействовало консолидации усилий достаточно «разношерстных» неправительственных и иных структур в русле антиглобализма.

Сегодня резко повысилась роль средств массовой информации и вообще массовой коммуникации, которые формируют общественное мнение, оказывающее, в свою очередь, прямое или опосредованное влияние на правительство. Общественное мнение нередко позиционирует себя от имени мирового сообщества, однако зачастую оно представляет собой нечто сомнительного происхождения, безликое и безответственное, но, тем не менее, воздействующее на умы и сердца людей.

¹ См.: Игрицкий Ю. Национальное государство под натиском глобализации // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 4.

жим налогообложения для субъектов хозяйствования с целью привлечения финансовых потоков (инвестиций). Например, это крупнейший в мире центр игорного бизнеса «Лас-Вегас» в штате Невада. В какой-то мере к подобным оффшорам, в свое время, можно было отнести свободную экономическую зону «Ингушетия», созданную в одноименной республике в начальный период постсоветских преобразований в России.

В ответах на поставленные политической глобализацией вопросы наибольшей радикальностью позиций среди глашатаев глобализма отмечается один из ведущих в мире специалистов по стратегии бизнеса Кенъити Омаэ, автор книг «Мир без границ» и «Конец национального государства»¹ – манифестов подчинения государственной власти интересам международного бизнеса. «Государство, – полагает К.Омаэ, – превращается в «ностальгическую фикцию»: оно, может быть, и сохраняет известный политический смысл, но полностью девальвируется с точки зрения экономики»². Он предлагает отказаться от «картографических иллюзий» и смириться с неизбежностью размывания экономических границ, что, вероятно, не повлечет и корректив политических границ.

В этой связи Омаэ приводит вполне убедительные примеры, с одной стороны, растущей независимости крупного бизнеса от национальных правительств, а с другой – усиления его влияния на них. Верно, что фискальные функции государства (сбор налогов и пошлин) существенно усложняются в условиях, когда капитал с помощью электронных средств способен мгновенно перемещаться через десятки границ, включая оффшорные зоны. Верно и то, что внутри государств возникают мегаполисы и территории (он называет их «регионами-государствами»), чья экономика развивается самостоятельнее и успешнее других частей страны и оказывает на них сильное экономическое влияние, например, Северная Италия, земля Баден-Вюртемберг в Германии, Силикон-Вэлли и Сан-Франциско в США. Более того, некоторые «регионы-государства» включают в себя земли различных стран, например, территории между Сан-Диего в США и Тихуаной в Мексике. Если бы Токио и три прилегающих к нему префектуры образовали самостоятельное государство, оно заняло бы третье место в мире после США и Германии по общему объему валового национального продукта. Другой же регион Японии, включающий Осаку, Кобе и Киото, оказался бы шестым непосредственно после Великобритании³.

При этом мериллом слабости национального государства К.Омаэ считает силу транснационального бизнеса; из этого должно было бы следовать и обратное: силе государства соответствует слабость ТНК и мировых рынков. Однако даже апологеты глобализации понимают, что национальный и транснациональный капитал нуждаются в использовании государственных институтов и норм. Омаэ, воспевающий «регионы-государства» как локомотивы экономического прогресса, которые тянут за собой другие внутринациональные территории, допускает: если центральные власти будут проводить правильную политику, т.е. создавать наилучшие возможности ради получения максимальной общей выгоды, продвинутые регионы вполне могут стать «лучшими друзьями национальных государств»⁴.

Следует отметить, что Джеймс Розенау, чей авторитет в изучении мировой политики бесспорен, еще тридцать лет назад допускал, что сложившаяся система наций-государств придет к краху, но национальные государства останутся главными субъектами международной жизни⁵. В 1990 г. Дж.Розенау пришел к выводу, что в среде макроглобальных структур возникает деление на «государствоцентричный мир» (сфера межгосударственных отношений) и «мультицентричный мир» (сфера действия международных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и рынков, интернациональных групп и т.п.)⁶. Он особо подчеркивал роль ООН как моста, сцепляющего эти два мира, и настаивал на том, что общепланетарные тенденции к интеграции и фрагментации неразрывны. Вместе с тем, сопоставляя эти тенденции, ученый твердо назвал интеграцию и глобализацию доминирующими процессами, которым предстоит определять облик мира в XXI в. Однако из этого не следует, что национальные государства и их сообщества исчезнут.

Схожие позиции занимают и отечественные исследователи проблем глобализации. В частности, Л.Е.Гринин полагает, что под воздействием мощных факторов государство постепенно уступает свое место основного суверена более крупным, в том числе наднациональным, образованиям и структурам. В дальнейшем эта тенденция, очевидно, будет не только сохраняться, но, возможно, и усиливаться. Однако не все так однозначно. В чем-то суверенитет будет сужаться, например, в вопросах экономической стратегии, а в чем-то закрепляться и даже расширяться⁷. Как считает Э.Ян, расти будут этноязыковые, культурные и социальные функции государства⁸. Некоторые исследователи предупреждают, что резкое сокращение суверенитета и традиционных функций государства может породить хаос. Национальное государство еще долго будет ведущим игроком на мировой политической сцене⁹.

В этой связи представляется чрезмерно радикальным подход «либо сильное государство, либо транснациональный бизнес». Речь должна скорее идти о том, что функции государства в условиях глобализации видоизменяются: оно частично утрачивает прежние функции регулятора экономической жизни, но сохраняет устойчивый контроль над территорией и населением в том, что касается соблюдения законопо-

¹ Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. N.Y., 1990; idem. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. L., 1995.

² Ohmae K. The End of the Nation State. P. 12.

³ Ibid. P. 80.

⁴ Ibid. P. 100.

⁵ Rosenau J.N. Study of Global Interdependence. N. Y., 1989. P. 2.

⁶ Rosenau J.N. Turbulence in Politics. Princeton, 1990.

⁷ См.: Гринин Л.Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания) // Полис. 2008. № 1. С. 129.

⁸ См.: Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. 1996. № 1.

⁹ См.: Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис. 2000. № 1.

рядка, нерушимости границ, паспортного и визового режима, сбора налогов и т.д.

Действительно, в условиях глобализации происходит некоторое «сужение» суверенитета национальных государств и одновременно повышение роли наднациональных органов. В то же время утверждать о «закате» государства явно преждевременно. Оно было и остается основным субъектом международного права, является универсальной институциональной формой организации политической власти в пределах пространства, обозначенного линией государственной границы.

Национальное государство по-прежнему играет постоянную и важную роль связующего звена между основными действующими субъектами мировой политики. Оно устраняет расхождения между ними, ибо вправе делегировать часть своих функций как международному сообществу, так и наднациональным и субнациональным структурам. Здесь принципиально важно следующее обстоятельство – суверенитет в большей, возможно даже в преобладающей, степени сокращается добровольно самими национальными государствами.

Мировой политической практикой доказано, что сбалансировано интегрировать уровни управления от локального до глобального с учетом национальных интересов способно только государство, ибо лишь оно в той или иной форме присутствует на каждом из них. Как считает А.Б.Вебер, потребность мирового сообщества как субъекта в управлении своим развитием в рамках международных институтов на основе международного права есть управление процессами, а не территориями, и поэтому не предполагает вытеснение национальных государств из сферы международно-правовых отношений¹.

Мировой экономической кризис опроверг суждения об институте государства, который и далее будет утрачивать прежние функции основного регулятора экономической жизни. Либералы от экономики, стоящие на позиции ослабления роли государства, ограничения его участия в национальной экономике, были посрамлены. Гигантские потери, понесенные мировой экономикой, показали, что в эпоху глобализации последствия ослабления регулирующей роли государства в экономике обходятся слишком дорого. Более того, важнейшим фактором эффективного глобального управления с целью снижения всемирных системных рисков становится именно укрепление института государства, роль которого в преодолении экстраординарных ситуаций (стихийные бедствия, техногенные катастрофы, экономические кризисы) оказывается решающей.

Надо признать, что еще за десятилетие до всемирного экономического кризиса руководитель Института развития и мира при Дуйсбургском университете Дирк Месснер, рассматривая возможные схемы глобального управления, ставил национальное государство в центр мировых связей. Он видел в нем средоточие отношений между всеми акторами международного сообщества: ООН и ее различными учреждениями, региональными союзами, субнациональными (локальными) органами, многонациональными концернами, банками, неправительственными организациями, средствами массовой информации, различными группами интересов, научными центрами и т.д. Их скоординированные усилия, как он считал, следует направлять на решение четырех главных задач управления в процессе глобализации:

- 1) определение рамок мирового порядка, в котором международный бизнес не «приватизировал» бы политику;
- 2) более эффективное, чем прежде, реагирование на глобальные вызовы (загрязнение окружающей среды, массовые миграции, торговля оружием и др.);
- 3) формирование глобальной правовой государственности (*globale Rechtsstaatlichkeit*) на основе западных традиций правового государства;
- 4) использование универсальных принципов управления при решении национальными государствами региональных и локальных проблем².

В условиях глобализирующегося мира все более популярной становится концепция «активизирующегося государства», которая легла в основу философии реформ госуправления в соответствии с моделью Нового государственного управления (НГУ). Эта концепция перераспределяет отношения между государством и гражданами: от опеки – к партнерским отношениям. Задачи государства определяются в ходе общественной дискуссии, ответственность разделяется между ними и обществом. Государство инициирует процессы решения общественных проблем и выступает в роли посредника, устанавливает пределы ответственности граждан в этих рамках. Таким образом, важнейшими функциями государства становятся: инициирование, активизация и стимулирование.

Сутью реформирования госслужбы в духе НГУ в конечном счете стало делегирование ряда функций, осуществлявшихся государством, рыночным структурам, широкомасштабная маркетизация госуправления, которая предполагает полиаспектное распространение оснований коммерческой деятельности на сферу госуправления. Глубинная трансформация системы госуправления повлекла за собой изменение принципов работы госаппарата: в оборот вошли свойственные рынку категории (прибыль, издержки, конкуренция, расчет затрат и т.д.). Другим важнейшим аспектом НГУ является привлечение самостоятельных общественных организаций к выполнению ряда функций, выполнявшихся ранее государством³.

Целью реформ госуправления в соответствии с моделью НГУ стало обеспечение большей эффективности, гибкости, прозрачности связей государства с гражданами – потребителями госуслуг. По существу НГУ представляет собой революцию в воззрениях на государство, которое из всеохватывающей управленческой структуры предстает поставщиком услуг. Как отмечают эксперты, современное государство не должно само выполнять все стоящие перед ним задачи, но оно обязано обеспечить выполнение этих задач. Речь идет о новом

¹ См.: Вебер А.Б. Современный мир и проблемы управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 11.

² Messner D. Globalisierung, Global Governance und Entwicklungspolitik // Politik und Gesellschaft. 1999. S. 10–13.

³ См.: Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. 2007. № 4. С. 28–29.

разделении ответственности между государством и обществом. Вопрос состоит в том, какие задачи должно выполнять само государство, а какие могут и должны выполняться негосударственными институтами. Стратегические функции остаются за госаппаратом, тогда как остальные функции, связанные с обслуживанием и ранее осуществлявшиеся государством, возлагаются на коммерческие структуры¹.

Реализация реформ госуправления в различных странах осуществляется с учетом особенностей национальных моделей государственной службы. Наиболее результативными реформы госуправления в духе НГУ стали в странах, характеризующихся высокой свободой в политической сфере. Последнее определяет сочетание государственных рычагов и институциональной восприимчивости, которые могут быть использованы в ходе реформ. К категории стран, обладающих значительной свободой маневра, эксперты относят Новую Зеландию, Австралию, Великобританию, Канаду, Финляндию, Венгрию. Россия наряду с Германией, Бразилией, Польшей, Нидерландами рассматривается как обладающая низкой свободой маневра, что, по мнению экспертов, затрудняет осуществление реформ госуправления. В ходе реформ в большинстве стран были достигнуты следующие цели: сокращение госаппарата и снижение расходов на его содержание; обеспечение прозрачности, гибкости, эффективности функционирования системы управления; расширение сферы и качества использования меритократического принципа в карьерном продвижении управленцев². Все это показывает, что в условиях глобализации государство, как ведущий политический институт, способно трансформироваться и повышать эффективность функционирования госаппарата.

Соответственно, современные глобализационные процессы изменяют роль государства и системы государств, происходит некоторое ослабление внутренних общественно-политических структур международных суверенов. Глобализация диверсифицирует уровни управления и субъектов политики, значительная часть функций переносится как «вверх», к наднациональным органам, так и «вниз», к региональным и местным властям. Национальное государство остается важнейшим центральным звеном в процессе принятия решений, но при этом ряд параметров и направлений его развития определяется на других уровнях. Сохранение его роли как основного субъекта международного права обуславливается, прежде всего, тем, что на сегодняшний день система наднациональных органов не обладает столь же развитыми механизмами представительства и контроля. Национальное государство на современном этапе претерпевает существенные изменения, трансформирует свое исходное содержательное исполнение с учетом процессов глобализации.

Здесь следует отметить, что не все государства на равных основаниях участвуют в глобализационном процессе. В настоящее время мы имеем дело с новой мировой стратификацией национальных государств, которая явилась следствием глобализации. Некоторые страны прочно входят в центр мирового развития, в то время как другие безнадежно маргинализируются и находятся на его задворках. Все это только подтверждает двойственный характер глобализации: с одной стороны, она может открыть новые горизонты и высвободить огромные творческие силы. С другой стороны, цена приобщения к глобализационным процессам может оказаться достаточно высокой для интересов и безопасности страны.

В настоящее время политический процесс и институциональная трансформация в России, как на федеральном, так и на региональном уровнях, не могут идти в отрыве от процесса политической глобализации мира. Россия переживает своего рода переходный период, главное содержание которого состоит в трансформации политического процесса и политических институтов в условиях включения нашей страны в мировые глобализационные процессы. Особо важной теоретической и практической проблемой этого периода в истории России выступает построение стабильной и эффективной политической системы, адекватной общемировому политическому развитию, способной сохранить целостность Российского государства и отвечающей как современным нуждам, так и долгосрочным интересам страны. Реальное продвижение России по пути интеграции в глобальный мир связано, в первую очередь, с осуществлением таких первоочередных шагов, как дальнейшее вхождение в международные политические, торговые и экономические организации и налаживание конструктивных политических отношений с различными государствами. При этом эффективная трансформация политического процесса и политических институтов России в условиях политической глобализации мира может совершиться лишь при опоре на существующие в российском обществе традиции.

Как отмечает В.И.Пантин, «популярная в 1990-е годы XX века среди либеральных политиков и публицистов позиция, согласно которой Россия является чисто европейской страной, в скором времени должна стать частью Запада и поэтому должна ориентироваться исключительно на западный опыт политического и экономического развития, не соответствует представлениям большинства российского общества о цивилизационной природе России и о ее стратегических ориентирах. Иными словами, на примере современной России, как и на примере многих других государств, явственно обнаруживаются пределы и ограничения современного этапа вестернизации и, шире, нынешнего этапа нелиберальной глобализации, происходящей в условиях доминирования Запада»³.

В постсоветское время, которое пришлось на период активной глобализации мира, в российском обществе получили распространение представления об особой российской идентичности и об «особом пути» развития страны, что подтверждается данными социологических исследований. Так, по данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 1999 г., большинство (60%) респондентов считали, что по своим традициям и культуре Россия представляет собой особую страну, не похожую ни на Европу, ни на Азию; в то же время 23% опрошенных полагали, что Россия сочетает в себе черты Европы и Азии и только 9% респондентов были соглас-

¹ См.: Райнхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующего государства // Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС, 2000.

² См.: Мэннинг Н., Паркинсон Н. Реформа государственного управления. Международный опыт. М.: Просвещение, 2003.

³ Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. 2008. № 3. С. 35.

ны с тем, что Россия – это европейская страна¹. По данным другого опроса, проведенного ВЦИОМ в 2003 году, на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя европейцем?», «Часто» ответили 12% опрошенных россиян, «Иногда» – 14%, «Редко» – 18%, «Никогда» – 55%². По данным еще одного социологического опроса, проведенного «Левада-Центром» в 2007 г., лишь 11% респондентов были согласны с тем, что Россия – это «часть Запада, она должна стремиться к сближению со странами Европы и США»; в то же время 74% опрошенных полагали, что Россия – это «евразийское государство, у которого собственный исторический путь развития» и еще 7% респондентов склонялись к тому, что Россия – это «восточная страна, она должна ориентироваться на сотрудничество со своими соседями в Азии» (остальные 8% опрошенных затруднились ответить)³.

На основании анализа обширного эмпирического материала В.И.Пантин прогнозирует следующие явления и тенденции, которые будут характерны для политического развития России в ближайшем будущем. Во-первых, весьма вероятно, что в ближайшие годы роль политических партий в России будет по-прежнему ограниченной, они будут инструментом реализации интересов главным образом элитных, а не массовых групп. Во-вторых, российская политическая система, скорее всего, еще долгое время будет существенно отличаться от политических систем западных стран. В-третьих, при кажущейся стабильности российской социально-политической системы она не является по-настоящему устойчивой, поскольку в ней отсутствуют многие важные механизмы, присущие социально-политическим системам развитых стран Запада и Востока. Российская политическая система по-прежнему является переходной, промежуточной между западными и восточными политическими системами, она чересчур персонифицирована, что не исключает возможные политические кризисы, конфликты и потрясения⁴.

Таким образом, политическая глобализация являет противоречие между принципом политического суверенитета, воплощенном в нации-государстве, с одной стороны, и универсальной детерминантой общечеловеческих ценностей, логически предопределяемой интернационализацией и глобализацией экономических, культурно-идеологических и политических процессов, – с другой. Разрешение данного противоречия не в пользу суверенного государства чревато для него потерей политической идентичности, расширением угроз и вызовов национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер А.Б. Современный мир и проблемы управления // Век глобализации. 2009. № 1.
2. Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис. 2007. № 4.
3. Глобалистика. Энциклопедия. М.: Радуга, 2003.
4. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет. История и современность // Полис. 2005. № 1.
5. Гринин Л.Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания) // Полис. 2008. № 1.
6. Дубин Б. К вопросу о выборе пути: элиты, масса, институты в России и Восточной Европе 1990–х годов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6.
7. Игрицкий Ю. Национальное государство под натиском глобализации // Pro et contra. 1999. Т. 4. №4.
8. Мировая экономика. М.: Юристъ, 1999.
9. Мировая экономика. Экономика зарубежных стран / Под ред. В.П.Колесова, М.Н.Осьмовой. М.: Флинта, 2000.
10. Мэннинг Н., Паркинсон Н. Реформа государственного управления. Международный опыт. М.: Просвещение, 2003.
11. Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. 2008. № 3.
12. Райнхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующего государства // Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС, 2000.
13. Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы глобализации: Предварительные размышления // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература. Сер. 11. Социология: РЖ. М.: РАН, 2000. № 1.
14. Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового политического развития // Полис. 2000. № 1.
15. Фурс В.Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. № 1.
16. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ibci.ru/konferencia/page/statya_64.htm.
17. Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.fom.ru/reports/frames/of19990501.html>.
18. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2007072302>.
19. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. 1996. № 1.
20. Chanda, N. Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization. New Haven (Ct.); L.: Yale Univ. Press. 2007.
21. Christiansen T., Joenniemi P. and Lindstrom B. Nationality and Regionality: Constituents of Political Space Around the Baltic Rim // Neo-Nationalism. The Restructuring of Political Space Around the Baltic Rim. Ed. by Pertti Joenniemi. Copenhagen Peace Research Institute. 1997.
22. Messner D. Globalisierung, Global Governance und Entwicklungspolitik // Politik und Gesellschaft. 1999.
23. Ohmae K. The Borderless World: Power and Strategy in the Interlinked Economy. N.Y., 1990
24. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. L., 1995.
25. Rosenau J. N. Study of Global Interdependence. N. Y., 1989. P. 2.
26. Rosenau J. N. Turbulence in Politics. Princeton, 1990.
27. Stopford J. Multinational Corporations // Foreign Policy. Winter 1998–1999.

¹ См.: Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.fom.ru/reports/frames/of19990501.html>.

² См.: Дубин Б. К вопросу о выборе пути: элиты, масса, институты в России и Восточной Европе 1990–х годов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. С. 23.

³ См.: Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2007072302>.

⁴ Пантин В.И. Указ. соч. С. 38–39.